

КОЛЛЕКТИВНАЯ ПАМЯТЬ И КОЛЛЕКТИВНЫЕ ДЕЙСТВИЯ В РЕВОЛЮЦИОННОМ ИНТЕРЬЕРЕ (НА ПРИМЕРЕ «ПОСТМАЙДАННОЙ» УКРАИНЫ)

Александр Хижняк¹

Abstract

The article deals with factors of updating the collective memory of a crisis society. It is shown that in the modern Ukrainian society faults in the collective memory become a marker of the divided country and provoke social conflicts. The author's concept is based on the need to engage the concept of collective action in understanding of the problems of the collective memory. Firstly, the collective memory is an emotionally significant integrator at the level of region and country (for example, minorities, immigrants, etc.), if there is an availability of integrating common values and evaluations (for example, historical events and current challenges). Secondly, the collective memory is formed, transmitted and reproduced through a wide repertoire of collective social actions, both traditional (meetings, holidays, etc.) and generated by modern information and communication technologies. Thirdly, collective actions, based on the collective memory have both consolidated and divisive influence. Thus, different cultures, representatives of socially heterogeneous groups (resources, etc.) are involved in the collective volunteering during the military conflict in the east of Ukraine. At the same time, volunteering in the area of anti-terrorist operations in Eastern Ukraine has consolidated Ukrainian society and has become an embodiment of the integrative function of intercultural collective memory. At the same time, the collective actions resulting in the destruction of the monuments and other Soviet symbols, have led to the faults of the collective consciousness and have become a conflict factor. In order to overcome conflicts of collective memory a new type of social dialogue is needed.

Keywords: collective memory, collective action, collective identity and social dialogue.

Проблема культурной памяти в наши дни особенно актуальна, во-первых, для стран, переживающих процесс революционных (посткоммунистических) социокультурных изменений. Так, в Польше на протяжении последних пятидесяти лет проводятся социологические исследования функционирования коллективной памяти о прошлом, оценок значимости различных событий и персонажей национальной истории². Во-вторых, она культивируется

¹ Александр Хижняк – кандидат социологических наук, доцент кафедры прикладной социологии и социальных коммуникаций Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина (г. Харьков, Украина).

² См., например, А. Зотов: Прошлое – память – настоящее (к выходу книг о коллективной памяти польского общества) // *Политическая экспертиза*, 4 (2010), 160-174.

в странах, переживающих утрату прежнего культурного и политического монополизма и пытающихся соединить свое прошлое, настоящее и будущее. Речь, прежде всего, идет о постсоветской России, где трансформация коллективной памяти во многом связана с цивилизационным разломом. В этой связи нам представляется обоснованным вывод, сделанный О. Шкаратаном:

«Крах коммунистической системы в России привел к переходу специфической евразийской цивилизации, сущностно отличной от европейской (атлантической) по институциональной структуре и системе ценностей, на новый этап ее эволюции»³.

Сегодня в кризисном украинском обществе остро стоит проблема конфликтов на почве коллективной памяти, которые становятся преградой на пути интеграции Украины в европейское социокультурное, политическое и экономическое пространство. Идентификация и поиск путей преодоления конфликтов коллективной памяти требуют новых подходов. Культурные границы и маркеры в кризисном полиэтническом и поликультурном социуме подвергаются переосмыслению в условиях, когда усиливается фрагментация общества, происходит рост национализма и радикализация общественно-политической жизни. Для Украины эта проблема в настоящее время концентрируется вокруг культурного опыта и памяти западных и восточных регионов, стремления сохранить государственную целостность и культурное единство.

Коллективная память в кризисном социуме: поиск новых смыслов и новых подходов

Теоретическая рефлексия о содержании и направлениях изучения социальной памяти продолжается многие десятилетия. При этом коллективное измерение памяти до сих пор, несмотря на свою актуальность, имеет ряд проблем и множество инструментов, не всегда адекватных и эффективных⁴. *Теоретическую основу* многих исследований составила концепция коллективной памяти, которую ввел в научный дискурс французский социолог М. Хальбвакс⁵. Опираясь на проведенные исследования в этой области, выделим некоторые общие подходы к изучению феномена коллективной памяти:

³ О. Шкаратан: к сравнительному анализу влияния цивилизационных различий на социальные процессы в посткоммунистическом мире // *Социс*, 10 (2007), 25.

⁴ Б. Ровный: Инструменты исследования коллективной памяти: возможности и искушения // *Век памяти, память века. Опыт обращения с прошлым в XX столетии* / Сб. статей под ред. И.В.Нарского, О.С. Нагорной, О.Ю. Никоновой, Ю.Ю. Хмелевской. Челябинск 2004, 38–49.

⁵ М. Хальбвакс: *Социальные рамки памяти*, Перев. С. Зенкина, Москва: Новое издательство 2007, 323.

1) признается взаимосвязь индивидуальной и коллективной памяти, их взаимное проникновение;

2) коллективная память отлична от индивидуальной, она содержит, кроме дат и абстрактных определений, коллективные эмоции и оценочные категории;

3) на уровне индивида, малой социальной группы и нации формируются и развиваются свои конструкции коллективной памяти;

4) коллективная память как феномен культуры может подвергаться регулированию (например, через внедрение технологий забвения, коллективной ответственности и т.д.);

5) коллективная память внутренне разнообразна; существует также многообразие видов памяти, которые в той или иной степени пересекаются с коллективной памятью (например, память миметическая, культурная, коммуникативная);

6) включенность индивида в различные социальные общности и группы, имеющие свою коллективную память, ведет к обогащению его индивидуальной памяти;

7) продолжается дюркгеймовская традиция рассматривать коллективную память в контексте становления и развития социального порядка, источника социальной связи, солидарности;

8) устойчивость коллективной памяти и ее воспроизводство зависят от преемственности среди новых поколений;

9) коллективная память конструируется с помощью социальных коммуникаций, межкультурных связей;

10) коллективная память связана с формированием коллективной идентичности, ведь различные культурные символы (тексты, образы, ритуалы) служат формированию как коллективной памяти, так и коллективной идентичности;

11) актуализация коллективной памяти связана с тем, насколько она социально и политически востребована и поддерживается либо не поддерживается социальными институтами и социальными движениями.

Открытыми остаются вопросы о том, какую роль играет коллективная память в условиях турбулентных социальных отношений и чем обусловлена актуализация концепта памяти в кризисном обществе. Исследователи пришли к выводу, что коллективная память выполняет функции групповой идентификации и передачи норм и ценностей, разделяемых членами той или иной общности и возникших как выражение их коллективного опыта. Память в социальном аспекте рассматривается «как выражение коллективного опыта: социальная память идентифицирует группу, придает смысл ее прошлому и определяет ее надежды на будущее»⁶. Общепризнанной выступает идентификационная функция коллективной памяти:

⁶ J. Fentress, Ch. Wickham: *Social Memory*, Oxford: Blackwell Publishers 1992, 25.

«Коллективная память служит не столько сохранению прошлого, сколько поддержанию целостности группы, сообщества или общественного движения. Создание коллективных нарративов и коллективной истории необходимо для поддержания групповых идентичностей, для рекрутирования в группу новых членов, которые смогут использовать этот важный социальный капитал»⁷.

Этот тезис мы дополняем предположением, что способность к коллективной памяти – это один из индикаторов зрелости той или иной социальной общности, а также катализатор коллективных действий, в которые эта общность вовлечена с целью защиты (пересмотра) разделяемой членами общности коллективной памяти. Если социальная общность не способна к коллективной памяти, она теряет истоки своего существования и ввергается в историческую и социальную дезориентацию, поиск новой ценностно-нормативной основы своего существования. Именно через механизмы коллективной памяти во многом формируется коллективная идентичность. В этой связи трудно не согласиться с выводом О. Астафьевой о целесообразности сосредоточить внимание исследователей «на проблемах коллективных идентичностей как социального и культурного единства разных индивидов, осознающих себя как группу или сообщество, обладающего разделяемой его членами культурой, в т.ч. ценностями, нормами, отношениями и др., уделив особое внимание динамике коллективных идентичностей в условиях глобализирующей социокультурной реальности»⁸.

Формирование социально-культурного подхода к изучению социальной памяти и ее особого вида – коллективной памяти – прошло путь от понимания памяти как феномена индивидуального сознания и информационного отпечатка в нем событий прошлого и настоящего до понимания памяти как активной динамической системы, актуализация и содержание которой задается существующими в обществе социально-культурными нормами и социально-политической ситуацией. В стабильном обществе коллективная память конструируется в соответствии с господствующими ценностями и нормами, социальными отношениями, тогда как кризисное общество, как правило, становится расколотым, а социальные отношения в нем развиваются в условиях турбулентности, что не позволяет удержать один образ коллективной памяти. Революционное время требует разрыва традиций, в т.ч. традиций, нашедших свое отражение в коллективной памяти. Здесь как никогда к традиции подходит определение: «Мертвый хватает живого». Революционные изменения, в той или иной мере перечеркивая прошлый

⁷ *Власть времени: Социальные границы памяти*, под ред. В.Н. Ярославской и Е.Р. Ярославской-Смирновой, Центр социальной политики и гендерных исследований, Москва 2011, 9.

⁸ О. Астафьева: Реструктуризация и демаркация коллективных идентичностей в условиях глобализации: будущее национально-культурной идентичности // *Вопросы социальной теории*, 4 (2010), 259.

коллективный опыт, требуют отречения от него и, соответственно, ревизии коллективной памяти. Возникает необходимость концептуального обоснования изучения коллективной памяти в контексте социальных, экономических, политических разломов в кризисном обществе.

Под коллективной памятью чаще всего понимаются коллективные действия по символической реконструкции прошлого в настоящем. Коллективное действие – это действие, которое лежит в общественной сфере и осуществляется двумя или более людьми (группами, сообществами) ради достижения одного и того же общественного блага. Мы исходим из того, что динамика коллективной памяти (К.п.) – это функция двух переменных: коллективной идентичности (К.и.) и коллективного действия (К.д.).

$$\text{К.п.} = F(\text{К.и.}, \text{К.д.})$$

Чем выше коллективная идентичность в той или иной общности, ее способность к коллективным действиям по переосмыслению коллективной памяти в ракурсе социальных изменений, тем динамичнее формируется новый образ коллективной памяти. Чем ниже коллективная идентичность той или иной общности, ее способность к коллективным действиям по выражению, защите своей коллективной памяти, тем уязвимее становится эта коллективная память, тем больше она подвержена внешним воздействиям, трансформациям.

Утверждение нового образа коллективной памяти через коллективные действия в расколотом украинском обществе

Политика памяти в Украине за все годы независимости страны не увенчалась успехом⁹. Более того, она привела к состоянию общества, которое можно определить как расколотое. Расколотое общество – это в той или иной степени травмированное общество, в котором коллективная память становится объектом разнонаправленных коллективных действий, конструктивных и деструктивных по своим результатам и влиянию на его социальное развитие. Анализ коллективной травмы, в версии Дж. Александера, направлен на объяснение символических механизмов, стоящих за конструкцией травмы, и подразумевает широкое подключение таких понятий, как код, господствующий нарратив, драма, ритуал и др.¹⁰

Революционный интерьер, в котором коллективная память играет роль как социального интегратора, так и дезинтегратора, представлен определенными коллективными действиями, которые,

⁹ Г. Гребенник: Политика памяти в Украине: критические заметки // *История и современность: научно-теоретический журнал для гуманитариев (Россия)*, 2013, 2 (2013) [Электронный ресурс] Точка доступа: http://politology2004.narod.ru/articles/politika_memory_ukraine.htm.

¹⁰ Дж. Александер: Культурная травма и коллективная идентичность, Перев. Г. Ольховикова, науч. ред. и автор вступ. слова Д.Ю. Куракин // *Социологический журнал*, 3 (2012), 5–40.

в свою очередь, мотивированы теми или иными представлениями о прошлом опыте. Именно поэтому расколотое украинское общество демонстрирует уникальное состояние коллективной памяти. Эта уникальность имеет ряд черт.

1. *Пересмотру подвергается героика, память о героях прошлого.* Не случайно возникновение культурной памяти, связанной, по мнению Я. Ассмана, именно с памятью о мертвых, становится первой формой культурной памяти¹¹. Так, в современной Украине на фоне мемориализации событий Майдана происходит «декоммунизация», расставание с героями, символами прошлого, что приводит к повышению эмоционального напряжения и конфликтности в обществе. Как здесь не согласиться с мнением о том, что «у революции есть символы и носители этих символов, влияющие на психику действующих групп»¹².

2. *Происходит ревизия визуализации прошлого в монументальном искусстве* (памятниках, архитектурных произведениях).

3. *Участники «антимайданов» и их симпатии подвергаются публичному осуждению* как носители Иной коллективной памяти. Интолерантное отношение к ним часто проявляется в радикальных формах (например, в виде уличной «мусорной люстрации»).

Следует отметить, что в современной Украине ревизия коллективной памяти происходит на фоне появления в революционном интерьере новых видов (форм) коллективных действий, которые расширяют репертуар последних, вызывая неоднозначные оценки экспертного сообщества и общественного мнения. Речь идет как о повышении роли социальных сетей в коллективной социальной мобилизации, так и о новых формах борьбы радикальных активистов с представителями власти, подозреваемыми в коррупции. В общественном и научном дискурсе появились такие понятия, как «революция мусорных баков», «мусорная люстрация», «мусорная охота», которыми описываются коллективные действия активистов, с помощью которых к неудобным политикам применяется унижительная процедура публичного избияния и забрасывания в мусорные баки. Уличная «мусорная люстрация» фактически расколола украинское общество. **По данным общенационального исследования общественного мнения населения Украины, проведенного Институтом Горшенина, около половины граждан Украины поддерживают уличную «мусорную люстрацию» и почти такое же количество – не поддерживает** (опрос проводился в октябре 2014 г. во всех областях, кроме АР Крым, Донецкой и Луганской областей. Всего опрошено 2 тыс. респондентов, которые представляют взрослое население Украины

¹¹ Я. Ассман: *Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности*, Москва : Языки славянской культуры 2004, 368.

¹² О. Епархина: Теоретические подходы к исследованию социальных революций: возможности исторической социологии // *Вестник РГУ*, 2 (82) (2012), 50.

в возрасте от 18 лет. Погрешность выборки не превышает 2,2 %¹³. **Этот тренд сохранился и в 2015 г.** Согласно результатам опроса TNS On-line TRACK (исследование проводилось в Украине в июне 2015 г. методом онлайн-опроса, опрошено 1000 человек городского населения в возрасте от 18 до 55 лет), больше половины (67 %) украинцев уверены, что власть только имитирует процесс проведения люстрации, и всего лишь каждый десятый опрошенный видит результаты процесса люстрации. Больше всего ощущают процесс люстрации в Киеве, 16 % считают, что она проходит медленно, но результаты уже видны. Меньше всего ощущают реформы в Западном регионе Украины: 19 % утверждают, что люстрация не проходит вообще. Около двух третей опрошенных (63 %) также не ощущают проведения реформ в стране¹⁴.

Коллективные действия имеют свойство быть ритуализированными. Так, ритуализация уличной «мусорной люстрации», прокатившейся по всей территории Украины, усиливает свой неоднозначный эффект за счет возникающих при этом коллективных эмоций.

«Отличие коллективных эмоций, возникающих в ритуале, от индивидуальных эмоций, возникающих в потоке обыденной жизни: коллективные эмоции нет нужды подавлять, напротив, они являют собой ту витальность, которая требуется для возникновения и поддержания солидарности»¹⁵.

Легитимность люстрации в Украине придал Закон «Об очищении власти» в Украине, который вступил в силу 16 октября 2014 г.¹⁶

¹³ Почти половина украинцев поддерживают «мусорную» люстрацию [Электронный ресурс] Точка доступа: http://24tv.ua/news/showNews.do?pochti_polovina_ukraintsev_podderzhivayut_musornuyu_lyustratsii&objectId=499889&lang=ru.

¹⁴ Украинцы не видят реальной люстрации и реформ – исследование [Электронный ресурс] Точка доступа: <https://news.mail.ru/inworld/ukraine/society/22693202/?frommail=1>.

¹⁵ М. Деева: От индивидуального к разделяемому аффекту: постдюркгеймианская традиция в социологии эмоций // *Социологическое обозрение*, 2 (2010), 134-154.

¹⁶ Согласно этому Закону, люстрации подлежат все госслужащие, а также сотрудники органов местного самоуправления, которые занимали посты с 25 февраля 2010 г. по 22 февраля 2014 г., т.е. в период пребывания у власти президента В. Януковича. Под действие Закона попадают также чиновники, сотрудники правоохранительных органов, госслужащие и должностные лица органов местного самоуправления, причинившие вред жизни, здоровью и имуществу участников Евромайдана, а также лица, состоявшие до 19 августа 1991 г. на руководящих должностях в КПСС и ВАКСМ, политработники вооруженных сил СССР и МВД СССР, бывшие сотрудники спецслужб и лица, имевшие отношение к политическим преследованиям участников украинского национально-освободительного движения времен Второй мировой войны и послевоенного времени.

Неоднозначной выступает взаимосвязь коллективной памяти и регионализации. Теоретически конструктивно выглядит следующий тезис:

«Память – основа существования единства регионального сообщества. Возрождение серьезной региональной истории и оспаривание господствующих национальных интерпретаций прошлого становятся инструментом, направляющим региональное общество к его будущему»¹⁷.

Однако в расколе общества на уровне региона, отдельного мегаполиса коллективная память выступает элементом революционного интерьера. Это подтверждают проведенные с участием автора данной статьи социологические исследования в Харьковском мегаполисе (Украина). В общественном сознании жителей Харьковщины ярко выражены приоритеты культурного развития и сильна культурная память. Об этом свидетельствуют результаты социологического исследования на тему «Жители города Харькова о социально-политической и экономической ситуации в Украине, регионе и городе», проведенного – с участием автора – Харьковской областной общественной организацией «Агентство социального проектирования “Право выбора”» (октябрь 2014 г., опрос жителей Харькова в режиме личного интервью face-to-face по месту жительства респондента, выборочная совокупность пропорциональна структуре населения по полу, возрасту и месту жительства и составила 1004 респондентов; статистическая погрешность результатов – 3,2 %). Культурное возрождение Харьковщины может выступать одним из ключевых приоритетов развития территориальной громады, которое полностью поддерживает 78,5 %. Данная позиция на 15 % опережает потребность национально-культурного возрождения Украины в целом, что также косвенно свидетельствует о значительном росте региональной идентичности и ее актуализации в массовом сознании жителей украинского мегаполиса. Содержательная характеристика «региональной идентичности» востребована, ее можно конструировать на этой основе силами местной власти и громады в целом. Есть существенный запрос на формирование «харьковской идентичности», а какое содержание в дальнейшем будет вкладываться в нее – это будет зависеть от ситуации в регионе и в стране в целом (Табл. 1).

Почти 88 % горожан поддерживают идею территориальной целостности Украины. При этом следует обратить внимание на то, что большинство поддерживает тезис о территориальной целостности Украины, только около 4 % публично декларируют свое несогласие с ним.

¹⁷ А. Албанви: Региональный миф и коллективная память [Электронный ресурс] Точка доступа: <http://www.proza.ru/2011/12/03/479>.

Таблица 1. Ответы респондентов на вопрос: «В какой мере вы поддерживаете или не поддерживаете...», в % (г. Харьков, октябрь 2014 г., n=1004).

Поддерживают или не поддерживают респонденты ...		Абсолютно поддерживаю	Скорее поддерживаю	Трудно сказать	Скорее не поддерживаю	Полностью не поддерживаю
1	Культурное возрождение Харьковщины	78,5	16,6	4	0,6	0,3
2	Национально-культурное возрождение Украины	63,8	24,3	7,2	2,7	2,0
3	Расширение прав регионов Украины, в т.ч. бюджетную автономию, возможность решать вопросы культуры и образования на региональном уровне	47,5	24,9	19,2	3,7	4,7

Коллективные действия, которые базируются на коллективной памяти, в которой отразилась многовековая мечта украинцев иметь государственность и независимость, оказывают консолидирующее действие. Так, в коллективное волонтерство во время военного конфликта на востоке Украины вовлечены носители различных культур, представители социально неоднородных групп (по ресурсам и т.д.). Характеристику волонтерского движения во время военного конфликта позволяют дать данные того же эмпирического социологического исследования, проведенного (с участием автора) Харьковской областной общественной организацией «Агентство социального проектирования “Право выбора”». Массовый характер волонтерство приобрело во время антитеррористической операции (АТО-2014), чему способствовала консолидация украинского общества в условиях внешней агрессии на востоке страны. Почти 26 % респондентов на момент опроса оказывали лично помощь переселенцам из зоны АТО и 17 % – непосредственно участникам АТО. Наиболее распространенными оказались такие формы оказания помощи: передача продуктов и товаров беженцам (44,1 %), перечисления средств на счета благотворительных фондов и организаций (37 %), предоставление переселенцам из оккупированного Крыма и зоны АТО временно своего жилья (32 %),

участие в благотворительных и патриотических акциях (митинги, автопробеги и т. п.), участие в организации и проведении благотворительных акций (по 6 %). Непосредственно ездили в зону АТО как волонтеры для оказания помощи бойцам 6 % опрошенных.

В то же время в расколотом украинском обществе утверждение нового образа коллективной памяти происходит через массовые коллективные действия не только консолидирующие (как в ситуации с волонтерским движением), но и усугубляющие конфликты между группами – носителями различной коллективной памяти. Особенно это наглядно в ситуации, когда решения о сносе тех или иных памятников культуры принимаются на волне «революционного порыва», без учета общественного мнения территориальной громады. Так, резонансным событием в Харькове стал снос памятника В. Ленину на пл. Свободы 28 сентября 2014 г. Практически все жители проявили интерес к этому событию, хотя 11% не смогли определить свое отношение к нему. Труднее всего это оказалось сделать молодежи. Поддержку снос памятника нашел только у 11% опрошенных. Не поддержали решение обласной власти о сносе памятника 76 % опрошенных жителей (18 % отметили позицию «скорее не поддерживаю» и 58% – «полностью не поддерживаю»). Среди них – представители всех возрастных групп, однако большинство – лица старшего возраста. Последствия происшедших 28 сентября 2014 года на главной площади Харькова событий трудно прогнозируемые, поскольку они не поддержаны большинством жителей и выявили не только конфликт между областной и городской властью, но и показали неспособность органов власти решать проблему в правовом поле и с учетом мнения территориальной громады. В этой связи справедливым представляется вывод, сделанный Т. Скочполом:

«Социальное знание о случаях, причинах и последствиях социальных революций должно быть сфокусировано на государственной организации и отношениях и паттернах отношений общество-государство»¹⁸.

В расколотом обществе нарастает потенциал *протестной активности*. Протестную активность харьковчан можно охарактеризовать по двум параметрам: во-первых, через отношение горожан к таким акциям коллективного протеста, как майданы; во-вторых, через готовность участвовать в коллективных акциях защиты своих прав и свобод, в т.ч. права на коллективную память. По отношению к двум майданам (Майдану и Антимайдану) мнения опрошенных разделились, хотя просматривается тенденция: оба майдана в целом у более половины харьковчан сегодня оцениваются «негативно» или «скорее негативно» (Табл. 2).

¹⁸ Th. Skocpol: *Social revolution in the modern world*, Cambridge: Cambridge University Press 1994, 316.

Таблица 2. Ответы респондентов на вопрос: «Как вы в целом могли бы охарактеризовать свое отношение к ...», в % (г. Харьков, октябрь 2014 г., n=1004).

		<i>В целом положительно</i>	<i>Скорее положительно</i>	<i>Трудно сказать</i>	<i>Скорее негативно</i>	<i>Полностью негативно</i>
1	Участникам «Евромайдана» в ноябре 2014 г.–феврале 2015 г.	13,5	12,2	15,8	19,4	39,1
2	Участникам «Анти-майдана» в ноябре 2014 г.–феврале 2015 г.	14	9	23,6	18,5	34,9
3	Переселенцам из зоны АТО (антитеррористической операции, проводимой на востоке Украины)	36	31,7	23,8	4,6	3,9
4	Военнослужащим вооруженных сил, воевавшим в зоне АТО	35,2	28	25,8	5,7	5,3
5	Бойцам добровольческих батальонов, воевавшим в зоне АТО	32,9	22,7	19,4	8,8	16,2

Линия разделения в оценках обоих Майданов не связана с демографическими признаками респондентов. Однако отношение к ним различно у электорально пассивных и активных жителей Харьковского мегаполиса. Так, к Антимайдану высказали негативное отношение 45 % электорально пассивных респондентов и 63 % электорально активных, позитивно оценили его 33 % электорально пассивных и только 13 % электорально активных. К Евромайдану положительно отнеслись 34 % электорально активных и только 12 % пассивных (негативно его оценили 73 % электорально пассивных и каждый второй электорально активный). Харьковчане более позитивно настроены по отношению к военнослужащим вооруженных сил страны, которые участвуют в антитеррористической операции

(негативная реакция у 11 % опрошенных и позитивная – у 62 %), и менее расположены к бойцам добровольческих батальонов (негативно относится к ним каждый пятый респондент и позитивно – 56 %).

Законные митинги и демонстрации, сбор подписей под коллективными петициями – эти формы коллективного протеста харьковчане считают наиболее приемлемыми для защиты своих прав и свобод. Законопослушность – характерная черта большинства харьковчан. Это подтверждают такие факты: горожане категорически отвергают в качестве средств защиты своих интересов незаконные способы. Большинство из них не готовы взять для этого в руки оружие (таких только 3,6 %), захватывать госучреждения и блокировать дороги (таких 2,2 %), участвовать в несанкционированных митингах и демонстрациях (таких 2,5 %).

Расколотое общество – следствие расколотой коллективной памяти и социокультурных различий, воспринимаемых индивидами (общностями) как неравенства, побуждающие к коллективным действиям по их преодолению в соответствии с прежним коллективным опытом, нашедшем отражение в коллективной памяти. Отношение к социокультурным различиям, которые могут раскалывать коллективную память, в стабильном и кризисном обществе различно. В кризисном обществе, в котором социальные отношения, институты, поведение людей находятся под влиянием турбулентности, социокультурные различия выступают дополнительным источником нестабильности и трансформаций коллективной памяти. Этому можно противопоставить активную толерантность как ценность и принцип социальных взаимодействий. Толерантность в кризисном обществе требует институциональной поддержки как со стороны государства, так и гражданского общества. Социальные институты по их роли в формировании толерантности можно разделить на три группы. Первую группу составляют институты, которые «производят» толерантность как ценность и культурную норму (это прежде всего институты науки, права, политики, религии и др.). Вторая группа включает институты, которые транслируют (передают) толерантное видение мира, формируют у индивидов и групп толерантную компетентность (это прежде всего институты семьи, образования, средства массовой коммуникации). Третью группу представляют институты, которые контролируют соблюдение в обществе принципов толерантности (это преимущественно институты права, государства, общественного мнения).

Проблематизирует социокультурные различия также дефицит социального равенства – это ограничение пространства легитимных прав личностей и отдельных групп (категорий), которое воспринимается людьми как несправедливое и затрудняет их жизнь в нестабильной социокультурной среде. Как следствие, фиксируются дискриминационные практики, в которых распространена интолерантность, унижается человеческое достоинство, многие люди испытывают нарушения своих прав, не имеют возможности

их отстоять законным путем. Украинские исследователи также обращают внимание на деструктивную роль социального недоверия. В частности, В. Чупров отмечает:

«В период обострения внутреннего конфликта в Украине все шире используются технологии, имитирующие повышение определенности путем эскалации недоверия. Среди них – информационная блокада, позволяющая манипулировать сознанием людей; антироссийская пропаганда, направленная на отвлечение внимания от реальных проблем в обществе; массовые погромы офисов оппозиционных партий и групповые нападения на неугодных политиков с целью их запугивания; искажение собственной истории в угоду политики “независимости”»¹⁹.

Социокультурные различия в той или иной форме (явной или латентной) присутствуют в любом поликультурном обществе. Однако опасными они становятся при определенных условиях. Поэтому важно выявить критический уровень социокультурных различий, который способен привести к разрушительным последствиям для страны, региона через активизацию протестных коллективных действий. Даже незначительный охват населения протестными коллективными действиями, направленными на носителей Другой коллективной памяти, может быть критическим при наличии таких условий:

1) этими действиями охвачены наиболее социально активные граждане, способные к массовым протестам (прежде всего молодежь);

2) эти действия поддерживаются через пропаганду насилия, агрессии средствами массовой информации, формирование в обществе устоявшихся стереотипов восприятия определенных групп (религиозных, национальных и др.) как враждебных, коллективная память которых иная;

3) эти действия имеют поддержку со стороны тех или иных политических сил, которые способны к радикальным и насильственным способам борьбы за власть;

4) эти действия затрудняют межкультурный диалог, становятся на пути межкультурной коммуникации.

Здесь перечислены лишь основные условия, при которых протестные действия, направленные на группы – носители иной коллективной памяти, достигают критического уровня и становятся социально опасными. Коллективная память на групповом уровне – противоречивый феномен:

«Группы могут иметь как общую или согласованную коллективную память, так и спутанную или противоречащую друг другу. К тому же в зависимости от социального и политического контекста группы способны воссоздавать свое прошлое так, чтобы подчеркнуть единство между собой, либо разделение и размежевание. <...> Группы

¹⁹ В. Чупров, Ю. Зубок, В. Михеева: Доверие и недоверие в саморегуляции эмоционального состояния субъектов социальных взаимодействий (на примере украинского общества) // *Вестник Института Социологии*, 10 (2014), 117.

внутри наций с взаимно согласованной коллективной памятью будут демонстрировать схожие или тождественные паттерны национальной идентификации, в то время как группы с конфликтующей коллективной памятью могут иметь различающиеся паттерны идентификации, способные препятствовать развитию чувства национальной идентичности»²⁰.

Носитель иной коллективной памяти в расколоте обществе в массовом сознании часто воспринимается как враг. Особенно это наглядно проявляется в условиях применения технологий манипулирования массовым сознанием.

«Массовое сознание по своей сути не приспособлено к восприятию сложной и противоречивой совокупности обстоятельств, вызывающих кризисное развитие общества, всего переплетения причинно-следственных связей. в обстановке углубляющегося кризиса, особенно если он связан с заметным ухудшением условий существования, наиболее типичными для этого сознания становятся стремление увидеть конкретного виновника происходящих неурядиц, а также чувство нетерпения, желание немедленно получить ожидаемое или, по меньшей мере, услышать обещание результатов. Упрощая, можно сказать, что на высоком уровне кризисного развития общественное сознание как бы жаждет быть обманутым, поэтому охотно открывается любому ловкому политику»²¹.

На уровне локальных социальных практик (например, в мегаполисе) переплетаются в пространстве и во времени коллективные действия, с помощью которых выражается, защищается коллективная память различных сообществ и групп. в этой связи справедливым может оказаться предположение, что «сообщество поддерживается той *асимметрией участия*, которая спонтанно возникает и длится в резонансе между голосами, слышимыми из разных мест»²². Однако это возможно при наличии легитимных, беспрепятственных межкультурных коммуникаций, активной толерантности и подавления актов насилия, вандализма по отношению к инокультурной среде. в революционном интерьере «пост-майданной» Украины ощущается острый дефицит коммуникаций между участниками (симпатиками) разных майданов, протекающих как в традиционных формах (круглые столы, общественные слушания, дискуссии и т. д.), так и в социальных сетях.

«Собираясь вместе и обсуждая события, пережитые всеми собеседниками, участники коммуникации конструируют общую коллективную память из индивидуальных “памятей”, порой неосознанно

²⁰ Р. Карагезов: Коллективная память и национальная идентичность в эпоху глобализации (На материале эмпирического исследования молодежи Азербайджана) [Электронный ресурс] Точка доступа: http://www.ca-c.org/c-g/2009/journal_rus/c-g-1/11.shtml#nazad16.

²¹ А. Галкин: Память и опыт // *Россия реформирующаяся: Ежегодник-2010*. Вып. 9, Москва: Новый Хронограф (2010), 323.

²² П. Сафронов: Освобождение пространства: коллективное действие и социальная топология // *Топос*, 1 (2011), 80.

трансформируя свои воспоминания. <...> Может происходить сглаживание (или драматизация) неприятных сюжетов и дополнение новых черт, не замечавшихся прежде»²³.

Классическим примером паритетного общения индивидов и групп считается социальный диалог. Однако распространение в территориальных (региональных) сообществах диалогового общения в виде помощи, содействия, сотрудничества требует толерантного настроения жителей территориальной громады и действий местной власти, которые учитывают настроения и общественное мнение. Кроме того, социальный диалог – это, как правило, проблемно ориентированная межкультурная коммуникация, поэтому жители должны быть осведомлены о социальных проблемах в социуме и его отдельных сферах, а также о проводимой социокультурной политике, в т.ч. затрагивающей вопросы коллективной памяти. Важно, чтобы в таком диалоге в центре внимания была массовая и непротиворечивая для большинства социальных групп коллективная память.

Заключение

Новым ракурсом рассмотрения темы становятся коллективная память и коллективные действия в революционном интерьере. Коллективную память мы рассматривали в контексте социокультурных разломов, в революционном интерьере событий, происходящих в расколотом украинском обществе. Украина пережила «майданы» и «антимайданы», пытается сохранить свою целостность (как территориальную, так и культурную) через проведение антитеррористической операции на востоке страны. Эти события повлекли за собой появление новых коллективных идентичностей и солидарностей, а также коллективных действий, ставших выражением столкновения носителей коллективной памяти, которая по-разному интерпретируется различными социальными общностями.

В современном украинском обществе разломы в коллективной памяти становятся маркером расколотой страны и провоцируют социальные конфликты. Авторская концепция исходит из необходимости привлечения в осмысление проблем коллективной памяти концепта коллективного действия. Во-первых, коллективная память выступает эмоционально значимым интегратором на уровне региона, страны (например, для национальных меньшинств, иммигрантов, вынужденных переселенцев и т.д.) при условии наличия интегрирующих общих ценностей и оценок (например, исторических событий или современных вызовов). Во-вторых, коллективная память формируется, транслируется и воспроизводится через широкий репертуар коллективных социальных действий, как тради-

²³ А. Стрельникова: «Места памяти» в городском пространстве // *Вестник РГГУ. Серия «Социология»*, 2 (2012), 236.

ционных (митинги, праздники и т.д.), так и порожденных современными информационно-коммуникативными технологиями. В-третьих, коллективные действия, базируясь на коллективной памяти, оказывают как консолидирующее, так и разъединяющее действие. Так, в коллективное волонтерство во время военного конфликта на востоке Украины вовлечены носители различных культур, представители социально неоднородных групп (по социальным ресурсам и т.д.). Волонтерство в зоне антитеррористической операции на востоке Украины консолидировало украинское общество и стало воплощением интегративной функции коллективной памяти представителей восточных, центральных и западных регионов страны. Одновременно коллективные действия, повлекшие свержение памятников и другой символики прошлого, привели к разломам коллективного сознания и выступили конфликтогенным фактором. Для преодоления конфликтов коллективной памяти необходим новый тип социального диалога.